

ЛИЦО ЕЕ ЗАКРОЙТЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Ровно за три месяца до убийства в Мартингейле миссис Макси устроила прием. Спустя годы, когда судебный процесс почти стерся из памяти — остались лишь скандальные подробности да заголовки на пожелтевших газетных страницах, которыми застилала полки в кухонном буфете, — Элеонора Макси вспомнила тот весенний вечер как первый эпизод трагедии. Память, капризная и своевольная, воскрешала картину ничем не примечательного ужина, окутывая ее аурой дурных предчувствий и тревоги. Теперь, в ретроспективе, он казался ритуальной встречей под одной крышей жертвы и подозреваемых. Прологом к сцене убийства. На самом деле на ужине присутствовали не все подозреваемые. Во-первых, Феликс Герн в тот уик-энд не был в Мартингейле. Но в воображении Элеоноры Макси он тоже сидел за столом, следя насмешливым и пытливым взглядом за гримасами и ужимками входящих в роль актеров.

Конечно же, вечер был заурядным и скучным. Трое гостей — доктор Эппс, викарий и мисс Лидделл, смотрительница приюта Святой Марии для девочек, — слишком часто сиживали за одним столом, чтобы ждать друг от друга чего-нибудь новенького или испытывать от подобного соседства особый восторг. Кэтрин Бауэрз была непривычно молчалива, а Стивен Макси и его сестра Дебора Рискоу с трудом сдерживали раздражение. Стивен

не приезжал домой из своей больницы больше месяца, и пожалуйста — именно в этот день устроили прием. Миссис Макси только что взяла в горничные мать-одиночку из приюта мисс Лидделл, и девушка первый раз прислуживала гостям. Но напряжение, сковавшее всех участников трапезы, вряд ли было вызвано присутствием Салли Джапп, ставившей блюда перед миссис Макси и убиравшей тарелки с завидной сноровкой, которую отметила не без удовлетворения мисс Лидделл.

Судя по всему, по крайней мере один гость был безмятежно счастлив. Бернард Хинкс, викарий Чадфлита, был холостяком, и любая возможность отказаться от сытной, но неудобоваримой стряпни своей сестрицы, которая вела его хозяйство, — она-то никогда не разезжала по гостям! — оборачивалась для него истинным праздником, так что ему было не до светской болтовни. Милый, приятный мужчина, он казался старше своих пятидесяти четырех лет, слыл нерешительным и робким во всех вопросах, за исключением веры. Теология была его главной, практически единственной страстью; случалось, правда, прихожане не всегда понимали его проповеди, хотя принимали их восторженно и считали, что он шибко умный, оттого и говорит непонятно. Однако в деревне знали, что викарий никому не отказывает ни в помощи, ни в совете, и если предыдущий был малость туповат, то на теперешнего можно было положиться.

Для доктора Чарлза Эпса ужин означал отличную еду, общество очаровательных женщин, с которыми можно поболтать, и передышку от его нудной деревенской практики. Он вдовел, жил уже тридцать лет в Чадфлите, досконально знал почти всех своих пациентов и мог без ошибки сказать, кому грозит смерть, а кому нет. Он был уверен, что нет на свете такого врача, который способен повлиять на исход болезни, что мудрость состоит как раз в том, чтобы знать, когда твоя смерть

причинит ближним твоим как можно меньше хлопот, а тебе — печали, считал также, что новейшие достижения медицины продлевают жизнь больному лишь на несколько никому не нужных месяцев к вящей славе того, кто его лечит. И все-таки он был совсем не глуп и обладал куда большими познаниями, чем полагал Стивен Макси, и совсем немногие его пациенты предстали перед неизбежным концом раньше предписанного им часа. Он дважды принимал роды у миссис Макси, был домашним доктором и другом ее мужа; впрочем, Саймон Макси не мог долее поддерживать эту дружбу и ценить ее — он помутился в уме. Сейчас доктор сидел за столом семейства Макси и поддевал вилкой суфле из цыпленка с видом человека, который заслужил честным трудом свой ужин и не намерен поддаваться настроению прочих.

— Так вы взяли Салли Джапш с ребенком, Элеонора? — Доктору Эпсу никогда не возбранялось формулировать очевидное. — Милые создания эти обе крошки. Да и вам стало повеселее — снова малыш в доме.

— Хочется надеяться, что и Марта так считает, — сказала сухо миссис Макси. — Ей, конечно, без помощницы не обойтись, но она такой консерватор. Эта ситуация может оказаться ей не по душе.

— Да справится она с ней. Моральные соображения отступят, все же на кухне появилась лишняя пара рабочих рук. — Душевные колебания Марты Балтитафт не очень, видно, волновали доктора, что он и подтвердил взмахом короткопалой руки. — Очень скоро она в младенце души чаять не будет. Джимми — прелестный ребенок, какое кому дело, кто его отец.

В этот момент мисс Лидделл сочла необходимым довести до слушателей свое мнение умудренного опытом человека:

— Не думаю, доктор, что нам следует с такой легкостью относиться к этому явлению. Естественно, мы,

христиане, должны быть милосердны, — при этих словах мисс Лидделл чуть заметно поклонилась в сторону священника в знак того, что не забывает: среди них — специалист в этой области, и она приносит извинения, что вторгается в нее, — но не могу отделаться от мысли: общество в целом слишком снисходительно к этим девицам. Нормы морали будут неуклонно падать, если к таким детям относиться с большей заботой, чем к рожденным в лоне семьи. А это уже имеет место! Бедные, достойные всяческого уважения матери не видят и половины заботы и ласки, которыми мы одариваем этих девчонок!

Она обвела взглядом сидящих за столом, побагровела и с новым рвением принялась за еду. Ну и что с того, что она их огорошила? Это надо было сказать. Ее святой долг. Она посмотрела на священника, ища поддержки, но мистер Хинкс, озадаченно взглянув на нее, снова занялся едой. Уж больно святой отец усердствует над тарелкой, с раздражением подумала мисс Лидделл, оставшись без союзника. Но тут она услышала голос Стивена Макси:

— Да эти дети, без сомнения, ничем не отличаются от всех остальных, разве что мы больше перед ними в долгу. Я тоже не считаю, что их матери такие уж замечательные. Но в конце концов, много ли найдется людей, соблюдающих законы морали, за нарушение которых они презирают этих девиц?!

— Очень много, доктор Макси, уверяю вас. — Мисс Лидделл по роду своей профессии не привыкла, чтобы ей перечили младшие. Стивен Макси, может, и перспективный молодой хирург, но это вовсе не значит, что он специалист по проблемам оступившихся девиц. — Мне страшно подумать, что мерзости, о которых приходится слышать по долгу службы, — в порядке вещей для современной молодежи.

— Поскольку я представитель современной молодежи, поверьте мне, мы частенько позволяем себе презирать тех, кто просто попал в беду. Эта девушка, по-моему, ведет себя совершенно нормально и достойна уважения.

— Да, она тихая, у нее прекрасные манеры. К тому же достаточно образованна. Окончила классическую¹ школу! Я бы и помыслить не смела рекомендовать ее вашей матушке, если бы она не была самой безупречной воспитанницей приюта Святой Марии. Она сирота, ее воспитала тетка, но надеюсь, эта подробность не разжалобит вас. Салли предстоит потрудиться, чтобы использовать выпавший ей шанс. Прошлое позади и забыто навсегда.

— Должно быть, нелегко забыть прошлое, когда оно оставляет о себе столь явное воспоминание, — сказала Дебора Рискоу.

Доктора Эпса утомлял этот разговор, у него грозило испортиться настроение и, может, даже пищеварение, потому он поспешил внести свою лепту. Отчего, к сожалению, собеседники еще более разошлись во мнениях.

— Она хорошая мать и славная женщина. Может, повстречает еще парня и выйдет замуж. Самое лучшее. Не нравятся мне такие семьи — мать-одиночка и ребенок, слишком уж они замыкаются друг на друге, и ничего путного из этого не выходит. Иногда мне кажется — понимаю, мисс Лидделл, это звучит дико, — что самое лучшее — отдавать этих малышей со дня рождения в нормальную семью.

— За ребенка несет ответственность его мать, — изрекла мисс Лидделл. — Ее долг — растить его и заботиться о нем.

— Все шестнадцать лет, без отцовской помощи?

¹ Школа для детей от 11 до 18 лет, программа которой предусматривает изучение классических языков. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— У нас действует закон об установлении отцовства, доктор Макси, мы прибегаем к его помощи, когда можем. К сожалению, Салли заупрямилась, не сказала нам фамилии отца, так что мы бессильны.

— На несколько шиллингов теперь далеко не уедешь. — Стивен Макси явно настроился продолжать эту тему. — Думаю, Салли даже не платят пособие на ребенка.

— Мы живем в христианской стране, дорогой мой брат, и расплата за грех — смерть, а не восемь шиллингов налогоплательщика.

Дебора произнесла эту фразу едва слышно, но мисс Лидделл услышала ее и поняла, что она предназначалась ей. Миссис Макси почувствовала, что ей пора вмешаться. По крайней мере двое гостей полагали, что ей следовало сделать это раньше. Миссис Макси никогда ничего из-под своего контроля не выпускала.

— Я сейчас позову Салли, — сказала она, — давайте сменим тему. Рискую навлечь на себя ваше недовольство, но хотела бы спросить вас о церковном празднике. Конечно, вам кажется, я пригласила вас под каким-то надуманным предлогом, но мы на самом деле должны назначить дату.

Когда Салли появилась в столовой, разговор был столь скучным и мирным, что даже Кэтрин Бауэрз была удовлетворена. На эту тему каждый мог разглагольствовать сколько заблагорассудится.

Мисс Лидделл наблюдала, как Салли Джапп обходит стол. Можно было подумать, что беседа за ужином впервые возбудила в ней желание как следует разглядеть девушку. Салли была очень тоненькая. Пышные золотисто-рыжие пряди волос, выбившиеся из-под накладки, казались слишком тяжелой ношей для нежной головки. Руки еще детские, длинные, с острыми локтями, с красноватой кожей. Пухлые губы скромно поджаты, в зеленых глазах сосредоточенность. Ни с того ни

с сего на мисс Лидделл накатила волна умиления. Салли и впрямь прекрасно справляется со своими обязанностями, просто прекрасно! Она подняла глаза, чтобы перехватить взгляд девушки, одарить ее улыбкой одобрения и поддержки. И встретила ответный взгляд. Секунды две они смотрели друг на друга. Потом мисс Лидделл вспыхнула и опустила глаза. Нет, она ошиблась! Да как же Салли осмелилась так смотреть на нее! В смятении и ужасе она пыталась понять, что ее поразило. Еще до того, как изобразила на своем лице это самое одобрение, она прочитала в глазах девушки не покорную благодарность, олицетворением которой Салли Джапп из приюта Святой Марии всегда была, а веселое пренебрежение, намек на какую-то тайну и неприязнь, столь явную и сильную, что это просто пугало. Потом Салли потупила зеленые глаза, и непонятная незнакомка снова превратилась в послушную, покорную Салли, самую любимую заблудшую овечку, пользующуюся особым благоволением мисс Лидделл. Но тот момент не прошел бесследно. Мисс Лидделл просто дурно сделалось от мысли, озарившей ее. Ведь она дала Салли отличную рекомендацию. Девушка вроде бы отвечала всем требованиям. Была, можно сказать, безупречна. Даже слишком хороша, чтобы батрачить в Мартингейле. Но назад ходу нет. Поздно решать, мудро она поступила или глупо. Самый печальный исход — позорное возвращение Салли в приют. Впервые мисс Лидделл поняла, что, порекомендовав свою лучшую воспитанницу в Мартингейл, она навлекла на свою голову неприятности. Но ей не дано было предугадать их размеры, равно как и то, что венцом их станет убийство.

Кэтрин Бауэрз, приехавшая в Мартингейл на уик-энд, за столом помалкивала. Она была девушкой честной и искренней, и, когда поняла, что она на стороне мисс Лидделл, ей стало не по себе. Слов нет, Стивен

весьма благородно и великодушно заступился за Салли и ее подруг по несчастью, да еще с такой страстью заступился, но Кэтрин он разозлил, вот так она начинала сердиться, когда ее друзья, не имевшие отношения к медицине, разглагольствовали о благородстве ее профессии. Романтика — вещь прекрасная, но что толку от нее тем, кто носит с подкладными суднами или имеет дело с правонарушителями. Ее так и подмывало сказать это вслух, но присутствие Деборы, сидевшей напротив, лишало ее дара речи. Ужин, как и все неудачные светские мероприятия, длился бесконечно. Ну как можно, думала Кэтрин, настолько долго пить кофе, и пора бы уж мужчинам раскуривать трубки.

Наконец все кончилось. Мисс Лидделл заспешила в свой приют, заметив, что ей спокойнее, когда мисс Поллак не остается слишком долго одна. Мистер Хинкс, пробормотав что-то о том, что ему надо подготовиться к завтрашней службе, растворился в весеннем воздухе, словно бесплотный дух. Дебора Рискоу и доктор Эппс безмятежно болтали о музыке, пристроившись у камина в гостиной. Кэтрин предпочла бы говорить о чем-нибудь другом. Лучше телевизор посмотреть, но телевизор в Мартингейле только у Марты в комнате. Если уж говорить, то о медицине. Доктор Эппс, естественно, воскликнул бы: «Конечно, вы ведь санитарка, мисс Бауэрз! Повезло Стивену — рядом с ним человек, который живет теми же профессиональными интересами, что и он». Потом они втроем станут болтать, к ним подсядет Дебора, но на этот раз ей придется помалкивать — пусть знает, что мужчины устали от хорошеньких бестолковых женщин, хотя они и в роскошных нарядах, и что Стивену на самом деле нужен единомышленник, коллега, способный беседовать с его друзьями толково, со знанием дела. То были заманчивые мечты, и, как большинство мечтаний, они не имели ни малейшего отношения к ре-

альности. Кэтрин сидела, протянув руки к тонким язычкам пламени в камине, и старалась выглядеть непринужденно, пока другие говорили о композиторе с каким-то нелепым именем — Питер Уорлок; она о нем ничего не знала, вроде очень давно жил, но не помнила когда. Дебора, естественно, заявила, что не понимает его, но, как всегда, ее невежество выглядело милым. Потом завела с Кэтрин разговор (как поживает миссис Бауэрз, видите ли, ей интересно), до чего же высокомерная особа. Но тут, к счастью, вошла новая горничная сообщить доктору Эппсу, что у женщины с дальней фермы начались схватки. Доктор поднялся с явной неохотой, встряхнулся, словно лохматый пес, и раскланялся.

Кэтрин сделала последнюю попытку.

— Сложный случай, доктор? — спросила она бодро.

— Да нет, мисс Бауэрз. — Доктор Эппс обвел рассеянным взглядом гостиную в поисках своей сумки. — У нее уже трое. Милая женщина, хрупкая, просто ей легче, когда я подле нее. А почему — одному господу известно! Она может родить, как говорится, не моргнув глазом. Всего доброго, Элеонора, благодарю за прекрасный ужин. Я собирался подняться к Саймону перед уходом, но, если позволите, загляну завтра. Вам, верно, надо новую порцию снотворного. Я захвачу с собой.

Он раскланялся и, тяжело ступая, направился в сопровождении миссис Макси в холл. Вскоре собравшиеся услышали, как на подъездной аллее взревел мотор его машины. Эппс предпочитал маленькие быстрые машинки, из которых выбирался с превеликим трудом, за рулем он смахивал на хитрого старого медведя, отправившегося на пирушку.

— Давайте пройдемся в конюшни, — предложила Дебора, когда звук мотора замер вдали. — Посмотрим на Боукока и его лошадей. Конечно, если Кэтрин согласна прогуляться.